

Дмитрий Минаев (1835 – 1889)

ПРОСЕЛКОМ

Раз проселочной дорожкой
Ехал я – передо иной
Брел с котомкою убогой
Мужичок как лушь седой.
На ногах лаптишки смятые,
Весь с заплатками армяк.
Верно, доля небогатая
Тебе выпала, бедняк!
Подпираясь палкой длинною -
Путь-то, верно, был далек, -
Брел он с песней заунывною.
«Дядя, сядь на облучок!»
Сел старик. Седую бороду
Только гладит. «Ты куда?»
– «Пробираюсь, барин, к городу,
Ждут оброка господа,
Крепко староста наказывал...
Вот бреду, болит спина...»
И, склонившись, мне рассказывал
Свою повесть старина.
«Погоди, дед! С тяжелой болюю
Ты не ляжешь умирать,
На отчизну божьей волею
Сходит мир и благодать;
После лет долготерпения,
Бесконечного труда,
Под лучами просвещения
Смолкнет лютая нужда.
От его превосходительства
Слышал я, – а он мне зять, –
Что теперь само правительство
Будет слабых защищать».
В мужике сердечный пламень я
Этой речью оживил,
И старик честное знаменье
С благочестьем сотворил.
1860

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ С ГРАЖДАНСКИМ ОТЛИВОМ

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.
От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутводство и лень.

На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят, –
Посрамленье, гибель Руси.
И разврат, разврат!..
1863

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ БЕЗ ГРАЖДАНСКОГО ОТЛИВА

Тихая звездная ночь.
Друг мой, чего я хочу?
Сладки в сметане грибы
В тихую звездную ночь.

Друг мой, тебя я люблю,
Чем же мне горю помочь?
Будем играть в дурачки
В тихую звездную ночь.

Друг мой! Умен я всегда,
Днем я – от смысла не прочь.
Лезет в меня ерунда
В теплую звездную ночь.

* * *

Чудная картина!
Грезы всюду льнут:
Грезит кустик тмина,
Грезит сонный пруд,
Грезит георгина,
Даже, как поэт,
Грезит у камина
Афанасий Фет.

Грезит он, что в руки
Звук поймал, – и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет,
Птицы ж щебетали:
«Спой-ка нам куплет
О "звенящей дали",
Афанасий Фет».
1863

МОТИВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

МОТИВ МРАЧНО-ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ

Мир – это шайка мародеров,
Где что ни шаг, то лжец иль тать:
Мне одному такой дан норов,
Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: mîa cara!

"Ночной зефир струит эфир",
Но, как гроза, как божья кара,
Заставлю дрогнуть целый мир.

Во все трактиры, рестораны,
Как зоркий страж, начну ходить,
Для вас, общественные раны,
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки
(Подогревая в сердце злость),
Во всех, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

Рысак ли бешеный промчится,
Спадет ли с здания кирпич,
Хожалый вздумает напиться -
Я буду всех разить, как бич,
И стану сам себе дивиться.

Людей сдержу я, как уздой,
И буду в жизненном потоке
Для них живой сковородой,
Где станут жариться пороки.

МОТИВ СЛЕЗНО-ГРАЖДАНСКИЙ

Мне жаль тебя, несчастный брат!..
Тяжел твой крест – всей жизни ноша.
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад.

Пусть возбуждают жалость в мире
Твои лохмотья, чахлый вид –
Тебе угла не дам в квартире,
Но плакать буду хоть навзрыд.

Ходи босой в мороз и слякоть,
Я корки хлеба не подам,
Но о тебе в альбомах дам
Я стану плакать, плакать, плакать!..

МОТИВ ЯСНО-ЛИРИЧЕСКИЙ

Тихий вечер навевает
Грезы наяву,
Соловей не умолкает...
Вот я чем живу.
Месяц льет потоки света...
Сел я на траву, –
Огоньки сверкают где-то...
Вот я чем живу.
В летний день, в затишье сада,
Милую зову,
Поджидаю в поле стадо...
Вот я чем живу.

Лаской девы ненаглядной,
Rendez-vous во рву,
Видом бабочки нарядной -
Вот я чем живу.
Я срываю шишки с ели,
Незабудки рву
И пою, пою без цели...
Вот я чем живу.

ЮБИЛЕЙНЫЙ МОТИВ

(Кому угодно)

Когда сном крепким спал народ,
И спячка длилась год за годом...
(Тут нужно древний эпизод
Сравнить с новейшим эпизодом.)

Когда на всех, в ком сила есть,
Смотрела Русь в немом испуге...
(Поэт обязан перечесать
Здесь юбилятора заслуги.)

Тогда (обеденный певец
Встает в порыве вдохновенья)
Ты появился наконец!
(Сбегают слезы умиленья.)

Как луч из мрачных облаков,
Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу!..
(Чтоб не забыть своих стихов,
Поэт косится на бумагу.)

И вот теперь весь этот зал
Тебя помянет в общем тосте!..
(Певец хватается свой бокал,
А лоб певца целуют гости.)

МОТИВ БЕШЕНО-МОСКОВСКИЙ

Русь героями богата,
Словно вылита она
Из гранита и булата,
И прихода супостата
Не боится вся страна,
Не обдаст врагов картечью,
Не покажет им штыка,
Но отбросит перед сечью
Молодецкой, русской речью,
Просолив ее слегка,
Этой речью сочной, рьяной,
Крепкой, цепкой так и сак,
Забубенной, грозной, пряной,
Удалством славянским пьяной,
Едкой, меткой, как кулак.

Кто ж противиться нам может?
Славянин перед врагом
Руку за ухо заложит,
Гаркнет, свистнет и положит
Супостатов всех кругом.
<1865>

* * *

От германского поэта
Перенять не в силах гений,
Могут наши стихотворцы
Брать размер его творений.
Пусть рифмует через строчку
Современный русский Гейне,
А в воде подобных песен
Можно плавать, как в бассейне.
Я стихом владею плохо,
Но – клянусь здесь перед всеми –
Напишу я тем размером
Каждый вечер по поэме,
Каждый вечер по поэме,
Без усидчивой работы,
Где сплетутся через строку
Вместе с рифмами остроты.
Начинающим поэтам
Я могу давать уроки,
Как писать стихотворенья
В незначительные сроки,
Как писать такие песни
(Изучил я ту науку),
Чтоб читатель был доволен
И редактор сжал вам руку.
Превосходная манера!..
Учит нас прием готовый
Вместо шляпы Циммермана
Надевать венки лавровый.
Я постиг отлично тайну,
Как писать оригинально:
Стих начну высокопарно,
А окончу – тривиально.
Запою я песню звездам,
Вспомню лилий, незабудок,
А потом замечу кстати,
Что расстроил я желудок.
Расскажу я в песне "к деве",
Как мои объятья жарки, -
И при этом ей напомним
Про горячие припарки.
Фимиами куря природе,

Я воскликну вдруг: о россы!
Все по улицам столицы
Курят нынче папиросы.
Заведу я речь о неграх,
О Жюль Симоне, Жюль Фавре,
А потом перескачу я
Хоть к своей кухарке Мавре.

Неожиданно сближая
Всевозможные предметы,
Я уверен - о читатель! -
Что талант найдешь во мне ты!..

А затем, чтоб журналисты
Поднесли мне лист похвальный,
Оскорблять я их не стану
Эпиграммою нахальной.

Мимоходом не надену
Я на них колпак дурацкий,
Чтоб они меня не звали
"Голью нравственной кабацкой".

Целый ряд живых событий
Обходя небрежно мимо,
Буду брать сюжет из мифов
Древней Аттики или Рима.

И тогда согласным хором
Посреди журнальной свалки
Запоют мне песню славы
Все скворцы, стрижи и галки.
1865

В.Р. Р-п-ву
Когда-то, милые друзья,
Среди студенческого пенья
С сознаньем вторил вам и я:
«Вперёд без страха и сомненья!»

Я снова петь готов «вперёд!»
Иным, грядущим поколениям,
Но страх в груди моей живёт,
И мысль отравлена сомненьем.
1870

ЭПИГРАММЫ

В КАБИНЕТЕ ЦЕНЗОРА
Здесь над статьями совершают
Вдвойне убийственный обряд:
Как православных – их крестят
И как евреев – обрезают.
<1881>

ИСТОРИЯ ОДНОГО РОМАНИСТА

Коротенькие мысли, коротенькие строчки,
Клубничные намеки от точки и до точки,
Широкие замашки и взгляд мещански-узкий,
Язык преобладающий – не русский, а французский;
Легко всё очень пишется и без труда читается,
И из голов читателей тотчас же испаряется.
1871

ПО ПРОЧТЕНИИ РОМАНА И. ТУРГЕНЕВА "ВЕШНИЕ ВОДЫ"

Недаром он в родной стране
Слышет "талантом"... по преданьям;
Заглавье вяжется вполне
В его романе с содержанием.
При чтении этих "Вешних вод"
И их окончивши, невольно
Читатель скажет в свой черед:
«Воды, действительно, довольно...»
1872

ПРИ НОВОЙ ПОСТАНОВКЕ "ГОРЯ ОТ УМА"

Вот занавес взвился, и вскоре
Решила публика сама:
На сцене видели мы горе,
Но не заметили ума.
1869

ПУШКИНУ, ПОСЛЕ ВТОРИЧНОЙ ЕГО СМЕРТИ

Гоним карающим Зевесом,
Двойную смерть он испытал:
Явился Писарев Дантесом
И вновь поэт расстрелял.
1865

АНАЛОГИЯ СТИХОТВОРЦА

"Я – новый Байрон!" – так кругом
Ты о себе провозглашаешь.
Согласен в том:
Поэт Британии был хром,
А ты – в стихах своих хромаешь.
<1865>

У ВХОДА В ПРЕССУ

"Кто там?" – "Я истина". – "Назад!
В вас наша пресса не нуждается".
– "Я честность!" – "Вон!" – "Я разум!" – "Брат,
Иди ты прочь: вход запрещается.
Ты кто такая?" – "Пропусти
Без разговоров. Я – субсидия!..
– "А, вы у нас в большой чести:
Вас пропущу во всяком виде я!""
* * *

Нельзя довериться надежде,
Она ужасно часто лжет:
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает.
1870

НА СОЮЗ Ф. ДОСТОЕВСКОГО С КН. МЕЩЕРСКИМ

Две силы взвесивши на чашечках весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! первый дописался до "Бесов",
До чертиков другой договорился.
1873

Он знает, где зимуют раки,
Как кошки, видит всё во мраке
И, чуя носом капитал,
Пришел, увидел и украл.
1887

ЛЕМАН. "ДАМА ПОД ВУАЛЬЮ"

Мысль Лемана развить задумавши упрямо,
Явилась у меня задача сумасшедшая:
Картину написать на тему "Дама,
Из комнаты ушедшая".
1880

"Сапожник" (Кочетова)

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом –
Тьфу! – кистью, – я хотел сказать.
1881

АКТРИСЕ

Она останется всегда
Артисткой нужною для сцены,
И хоть не очень молода,
Но всё ж моложе Мельпомены.
1884

В. П. Буренину

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил.
1888

ЖУРНАЛУ, ПЕРЕМЕНИВШЕМУ РЕДАКТОРА

Мы перемены в нем дождались,
Но пользы нет и нет пока:
Переменили ямщика,
А клячи прежние остались.
1877

ЗОЛОТОЙ ВЕК. (ОКТАВЫ)

1
Немало развелось теперь людей
Всем недовольных – холодом и зноем,
Печатью, сценой, множеством идей,
Нарядами с нескромным их покроем,
Решеньями присяжных и судей,
И стариной и новой жизни строем,
И русскою сатирой, наконец...
Вступишь же, сатирический певец,

2
Скорей за репутацию сатиры
И отвечай: вы правы! мы скромны,
Не кровопийцы мы и не вампиры,
Но в этом не видать еще вины,
Как думают различные задиры.
Когда нет зла среди родной страны,
Где каждый счастьем ближних только занят,
Где без улыбки праздничной лица нет,

3
Как может быть сатира наша зла?
Какие сокрушительные ямбы
Придут на ум, когда одна хвала
Сама собой ложится в дифирамбы,
Когда поэт, как из цветка пчела,
Отвсюду мед собирает, и не вам бы,
Друзья мои, скорбеть, что этот мед
Сатире нашей пищи не дает.

4
Живем мы в век «отчетностей» и съездов,
Общественных, обеденных речей,
Манифестаций шумных у подъездов
И экономной топки для печей,
Прогресса всех губерний и уездов,
Где что ни шаг, то всюду для очей –
«Отрадное и светлое явление»,
Достойное похвал и умиления.

5
Сегодня – где-нибудь народный пир,
А завтра шумный праздник юбилея
И торжество на целый русский мир,
Где, от вина и счастья алея,
Сливаемся мы в сладкозвучный клир,
И никогда такая ассамблея
Насмешки злой – о, боже сохрани! –
Не вызовет в печати в наши дни.

6
Кто ж явится с сатирою бесстыдной
Среди торжеств, веселья и утех

Смущать в толпе покой ее завидный?
Нет, на такой мы неспособны грех.
У нас есть только юмор безобидный
И цензорванный самими нами смех,
Без всякого ехидства и протеста:
В Аркадии сатирикам нет места.

7
Но все-таки мы смелы чересчур
И говорим с известною свободой;
Без страха наш развязный балагур
Трунит над бедной финской природой,
На «чернь» рисует ряд карикатур
(Над «чернью» смех похвальной стал модой),
А иногда, как гражданин-пиит,
Городовых и дворников казнит.

8
До колик мы смеемся иногда,
С эстрады клубной слыша анекдоты
О плутовстве одесского жида,
О мужичке, который до икоты
Напилился пьян... Всё это без вреда
Нас развлекает в клубе в день субботы;
Тот смех лишь возбуждает аппетит
И нашему веселью не вредит.

9
Наш юмор безобиден. Скуки ради
Стишки запретные мы любим почитать,
Мы подтруним над «сильным мира» сзади,
Чтоб льстить в глаза и стулья подавать,
И наши черновые все тетради
Наполнены – коль правду вам сказать –
Хвалебными посланьями к вельможам...
Мы никого сатирой не тревожим.

10
И это ли не признак, что настал
Век золотой? Смех горький затаился
В груди людей, и каждый думать стал
Теперь: «И я в Аркадии родился!»
И потому российский Ювенал
В Полонского у нас преобразился
И начал славить умственный застой,
Как делает граф Алексей Толстой,

11
Который некогда так весел был и боек...
– Да, век прошел проселочных дорог,
Валдайских колокольчиков и троек,
Исчез и крепостник и демагог;
Цыганок нет, нет ухарских попок,
А вместе с тем почил на долгий срок,

Похоронённый с прочими грехами,
Наш прежний смех – и в прозе и стихами.

12
По рельсам чинно ездим мы теперь,
Цыганок заменили оперетки,
И прогрессистом смотрит прежний зверь;
Безумные попойки стали редки,
Крепостники, смирившись от потерь,
Не могут жить, как прежде жили предки,
Повсюду тишь да божья благодать...
Откуда же сатиры ожидать?

13
Сатира с отрицаньем неразлучна,
А мы давно девизом запаслись,
Что вокруг «всё обстоит благополучно»,
И, искренно поверив в тот девиз,
Нашли, что и без смеха нам не скучно,
А если б даже им мы увлеклись,
То этот смех не смех ведь, а скорее
Хихиканье ливрейного лакея.

1872

В стихах и в прозе, меньший брат,
Мы о судьбе твоей кричали;
О, в честь тебе каких тирад
Мы в кабинетах не слагали!
А там, среди убогих хат,
За лямкой, в темном сеновале,
Всё те же жалобы звучат
И песни, полные печали.
Всё та же бедность мужиков;
Всё так же в лютые морозы,
В глухую ночь, под вой волков
Полями тянутся обозы...
Терпенье то же, те же слезы...
Хлеб не растет от нашей прозы,
Не дешевет от стихов.

1870

Обучена в хорошей школе
Ты, муза бедная моя!
От света, с тайным чувством боли,
Желанья жгучие тая,
Ты изломала бич сатиры
И сходишь так в мир грустный наш:
В одной руке — обломок лиры,
В другой же — красный карандаш.

Ты тихо песни мне диктуешь,
То негодуя, то любя,
И вдруг, прервав сама себя,
Свой каждый стих процензируешь,

ГАЛАТЕЯ

Долго, жарко молился твоей красоте я,
И мольба так всеильна была,
Что сошла ты с подножья, моя Галатея,
Ты, статуя моя, ожила.
Но под северной мглой холодного крова
Снова сон тебя прежний сковал
И взошла ты, немая красавица, снова
На покинутый свой пьедестал.
Ни лобзанья, ни ласки, ни жгучие слёзы,
Ни порывы безумных речей
Разбудить уж не могут от мраморной грёзы
Галатеи холодной моей.

1868

Понемножку назад да назад,
На такую придем мы дорожку,
Что загонят нас всех, как телят,
За Уральский хребет понемножку.
Мы воздвигнем себе монумент,
Монументов всех выше и краше,
И в один колоссальный Ташкент
Обратится отечество наше.

1881

Ты истину мне горькую сказал.
И всё-таки прими за это благодарность:
На мелочи талант я разменял,
А ты по-прежнему всё крупная бездарность...
1887?